

Найденов Николай Александрович

**Воспоминания о виденном,
слышанном и испытанном**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Н.**
Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном / Найденов Николай
Александрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 172 с.

ISBN 978-5-519-98605-2

ISBN 978-5-519-98605-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Воспоминанія о видѣнномъ, слышанномъ и испытанномъ

II.

Вторая часть моихъ воспоминаній начинается шестидесятыми годами прошлаго столѣтія—временемъ крупныхъ преобразованій во внутреннемъ строѣ Россіи, временемъ, относиться къ которому должно не иначе, какъ съ высшимъ благоговѣніемъ. Правительствомъ было сдѣлано тогда, притомъ въ самый короткій періодъ, все, что возможно было сдѣлать. Къ сожалѣнію, его довѣріе къ обществу, для пользы котораго тѣ преобразованія предназначались, не нашло со стороны послѣдняго надлежащей оцѣнки; увѣренность въ благоразуміи и благонамѣренности общества не оправдалась во многихъ отношеніяхъ. Послѣдствіемъ всего этого явилось то, что, вскорѣ за предоставленіемъ населенію различныхъ сопряженныхъ съ сказанными преобразованіями правъ, началось ограниченіе послѣднихъ вмѣсто развитія ихъ въ той или другой мѣрѣ, какъ это могло быть ожидаемо.

Я не могу ничего говорить о самой главной реформѣ того времени—объ уничтоженіи крѣпостнаго права, такъ какъ она не касалась близко той среды, къ которой принадлежалъ я, а о томъ, что дѣлалось въ другихъ слояхъ общества и приготавлилось со стороны правительства, въ той средѣ было мало извѣстно.

Поэтому я начну мои воспоминанія съ того, что происходило въ Москвѣ, чему я былъ свидѣтелемъ и въ чемъ въ послѣдствіи былъ участникомъ.

20 марта 1862 года было утверждено новое положеніе объ общественномъ управленіи Москвы, дававшее какъ городскому обществу, такъ и отдѣльнымъ городскимъ сословіямъ, совершенно иное противъ прежняго устройство и расширявшее самый кругъ ихъ дѣятельности. Хотя подобное этому положеніе, съ нѣкоторымъ лишь ограниченіемъ правъ общественныхъ, существовало въ Петербургѣ уже съ 1846 года, но въ Москвѣ о томъ не имѣлось почти понятія и поэтому появленіе его, послѣ существовавшаго дотолѣ порядка, вызвало живой интересъ въ средѣ общества; во всѣхъ слояхъ его явилось стремленіе приложить трудъ свой къ дѣлу общественному. Интересъ этотъ былъ естественнымъ и потому, что это совпадало со временемъ начинавшихся преобразованій въ разныхъ другихъ отрасляхъ внутренняго устройства, послѣ многолѣтняго неподвижнаго существованія устарѣвшаго направленія.

Для того, чтобы судить о причинахъ такого настроенія, помимо возникшаго въ то время общаго подъема духа, необходимо обратиться къ тому состоянію, въ которомъ общественныя дѣла находились въ Москвѣ до того времени.

Порядокъ, установленный екатерининскимъ городовымъ положеніемъ, уничтоженный въ царствованіе Императора Павла, хотя и былъ восстановленъ при Александрѣ I, тѣмъ не менѣе онъ не только не пріобрѣталъ въ дальнѣйшемъ надлежащаго развитія, но послѣдовательно, независимо отъ какихъ-либо законодательныхъ распоряженій, сокращался, въ особенности въ слѣдовавшее затѣмъ царствованіе. Учрежденная городовымъ положеніемъ общая дума, какъ высшее городское представительство, появившаяся въ самомъ началѣ, не проявляла уже въ дальнѣйшемъ своихъ дѣйствій. Для завѣдыванія дѣлами городскими оставалась одна шестигласная дума, принявшая значеніе не болѣе какъ исполнительнаго органа по осущес-

ствленію распоряженій губернскаго начальства. Между тѣмъ еще до изданія городского положенія 1785 г., когда городскими дѣлами завѣдывалъ магистратъ, купечество имѣло возникшее задолго до того (въ 1742 г.) свое собственное управленіе; купечество собиралось на „совѣты“ для обсужденія общественныхъ дѣлъ; во главѣ гильдій стояли старшины (переименованные впослѣдствіи въ старосты) съ ихъ товарищами; самое учрежденіе, въ которомъ они присутствовали, носило названіе „гильдія московскаго купечества“; учрежденіе это продолжало существовать, какъ и общественныя собранія, и по введеніи городского положенія и во время его упраздненія, при чемъ, съ образованіемъ въ 1775 г. мѣщанскаго сословія, оно стало завѣдывать дѣлами какъ купечества, такъ и мѣщанства;—въ 1805 году самое учрежденіе „гильдія“ было переименовано въ „домъ московскаго градскаго общества“ и раздѣлено на 2 части—купеческое и мѣщанское отдѣленія; а для собраній общественныхъ былъ установленъ новый порядокъ—для участія въ нихъ стали выбираться особые представители подъ названіемъ „уполномоченныхъ присяжныхъ повѣренныхъ“—120 отъ купечества (20—1-й, 40—2-й и 60—3-й гильдіи) и 80 отъ мѣщанства *); обсужденіе дѣлъ, касающихся того или другаго сословія, стало производиться раздѣльно; соединенныя же собранія назначались лишь для дѣлъ, имѣющихъ общее значеніе, и для производства выборовъ въ должности, занимаемыя въ учрежденіяхъ, относящихся, по кругу ихъ вѣдомства, къ лицамъ принадлежащимъ къ тому и другому сословію. Во всѣхъ перечисленныхъ учрежденіяхъ—въ шестигласной думѣ, домѣ градскаго общества и собраніяхъ уполномоченныхъ предѣлительствованіе возлагалось на градскаго главу (какъ онъ тогда назывался), хотя обыкновенно въ мѣщанскихъ учрежденіяхъ онъ, по многочисленности лежавшихъ на немъ и безъ того занятій, не предѣлительствовалъ; тамъ замѣнялъ его мѣщанскій староста;—цеховые въ сказанной дѣятельности участія не

*) Въ самомъ началѣ выбирались, сверхъ того, 2 уполномоченныхъ отъ первостатейныхъ купцовъ.

принимали; они имѣли особое устройство—ремесленную управу, съ старшиной во главѣ, и свои отдѣльныя собранія. При такой постановкѣ дѣла и неосуществленіи устройства городского управленія въ порядкѣ, назначавшемся городовымъ положеніемъ, собранія купеческихъ уполномоченныхъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ соединеніи съ уполномоченными мѣщанскаго общества) пріобрѣли значеніе представительства городского; купечеству приходилось исполнять различныя обязанности, относящіяся нынѣ къ городскому обществу—думѣ.

Въ то время существовало много службъ въ различныхъ учрежденіяхъ, должности въ которыхъ замѣщались лицами, избиравшимися изъ среды купечества; самое отправленіе службы составляло для купечества обязательную повинность (это сохранилось и до сего времени, но теперь число замѣщаемыхъ должностей сдѣлалось ничтожнымъ); тогда многія должности представлялись для лицъ торговаго сословія стѣснительными до крайности, одніѣ—требуя продолжительныхъ неотлучныхъ занятій, другія—угрожая неопредѣленною матеріальною отвѣтственностью при неправильности рѣшеній, что, при существовавшемъ тогда низкомъ уровнѣ образованія купечества вообще и незнакомствѣ съ дѣйствующими законами, ставило выбираемыхъ на службу лицъ въ полную зависимость отъ секретарей и другихъ приказныхъ и дѣлало службу сопряженной съ значительными по тому времени расходами.

Уполномоченные присяжные повѣренные, или, какъ ихъ въ обиходномъ разговорѣ называли, „сословные“, избирались исключительно изъ лицъ, прошедшихъ уже служебную іерархію и подлежащихъ выбору въ какія-либо должности.

Этотъ ареопагъ, почти безправный относительно распоряженій губернской власти, непрекословный исполнитель ея предписаній, былъ страшнымъ для принадлежавшихъ къ сословію лицъ, которыми онъ избирался; онъ представлялъ собою мірской сходъ, имѣвшій возможность миловать и тяжело наказывать; въ числѣ членовъ его всегда были настоящіе міроѣды, руководившіе всѣми дѣлами, и горе бывало тому, кому

представлялся случай выдвинуться какъ-нибудь изъ толпы или не угодить кому-либо изъ этихъ набольшихъ. Выборы дѣлились на 3 части: 1) производившіеся ежегодно въ службы годовыя, которыхъ было немного, и въ числѣ ихъ опасной по отвѣтственности была лишь одна—въ должности старосты въ сиротскомъ судѣ; 2) производившіеся чрезъ каждые 3 года, касавшіеся большинства всѣхъ существовавшихъ службъ, и 3) бывавшіе чрезъ 2 года—въ коммерческій судъ и контору коммерческаго банка, гдѣ служба была 4-лѣтняя, члены смѣнялись наполовину чрезъ 2 года и служба представлялась безотвѣтственной, а потому считалась весьма почетной, въ особенности послѣдняя.

Большіе выборы трехгодичные наводили страхъ на многихъ; люди одинокіе и имѣвшіе семьи нерабочаго возраста нерѣдко дрожали передъ ихъ приближеніемъ; въ числѣ замѣщавшихся при такихъ выборахъ должностей особенно страшными представлялись бывшія во 2-мъ (гражданскомъ) департаментѣ магистрата и сиротскомъ судѣ; были также и разныя другія должности, хотя неопасныя въ отношеніи матеріальной отвѣтственности, но отвлекавшія въ значительной степени отъ собственныхъ занятій; на глазахъ были примѣры разстройства дѣлъ вслѣдствіе отправления общественной службы; поэтому, предъ наступленіемъ выборовъ, опасавшіеся подвергнуться избранію старались заручиться покровительствомъ кого-либо изъ вліятельныхъ лицъ изъ среды уполномоченныхъ.

Процедура выборовъ была такова—самымъ выборамъ предшествовало составленіе уполномоченными списка лицъ, назначавшихся для баллотировки; въ такомъ предварительномъ собраніи читался писмоводителемъ общій списокъ всѣхъ купцовъ, несостоявшихъ на службѣ, съ указаніемъ рода занятій и владѣнія недвижимою, когда таковое существовало;—„записать“ кричалъ кто-либо изъ толпы при прочтеніи того или другаго имени; начиналась защита, возстававшая противъ записки;—„записать“ кричали еще другіе, прибавляя такія аргументаціи, какъ „онъ парой въ коляскѣ ѣздитъ“ или „у него каменный

двухъэтажный домъ“ или „у него жена богатая“ и т. п., и, смотря по тому, кто одолѣвалъ въ представленіи доводовъ, дѣлалось занесеніе или оставлялось до будущаго времени. Тутъ, какъ и при баллотировкѣ, большое значеніе имѣли уполномоченные-мѣщане, дѣйствовавшіе, по указанію своихъ коноводовъ, всѣ какъ одинъ человекъ;—немалую роль игралъ въ этомъ случаѣ также и писмоводитель, читавшій списокъ; фамиліи и имена тѣхъ, которыхъ онъ старался устранить отъ записки, прочитывалъ онъ скороговоркой, съ искаженіемъ ихъ иногда какъ бы ошибочно, переходя затѣмъ къ слѣдующимъ и не давая такимъ путемъ возможности сообразить прочитанное; на тѣхъ же, которыми онъ не былъ убоготоренъ и на которыхъ хотѣлъ обратить вниманіе, дѣлалъ онъ замѣтныя остановки. Мѣщанскіе уполномоченные находили для своей дѣятельности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, полезное примѣненіе; это встрѣчалось главнымъ образомъ при выборахъ градскаго головы и первоприсутствующаго въ сиротскій судъ; для того, чтобы остаться за флагомъ или обезпечить себѣ избраніе, лица, искавшія того или другаго, обращались къ ихъ коноводамъ и за извѣстную сумму, дававшуюся на угощеніе, успѣхъ достигался; въ послѣднее предъ реформой время такими мѣщанскими коноводами были Панфилъ Петр. Дувановъ и Гурь, Павл. Долгоусовъ (я помню ихъ хорошо; къ нимъ почтительно относились и лица, принадлежавшія къ купечеству, изъ опасенія подвергнуться со стороны ихъ карѣ при выборахъ). Кандидатами въ головы въ значительной части случаевъ считались прослужившіе въ должности первоприсутствующаго въ сиротскомъ судѣ и вотъ, въ послѣдній дореформенный выборъ головы, въ средѣ купеческихъ уполномоченныхъ явилось намѣреніе избрать на эту должность Герасима Иван. Хлудова—человѣка, имѣвшаго около 40 лѣтъ отъ рода, крупнаго фабриканта, отправлявшаго уже ранѣе сказанную службу въ сиротскомъ судѣ и притомъ хотя неполучившаго высокаго образованія, тѣмъ не менѣе прошедшаго нѣсколько классовъ практической академіи; но такъ какъ въ то время требовалось избраніе на

каждую должность не менѣе 2 лицъ, изъ коихъ получившее меньшее число балловъ оставалось кандидатомъ (на случай совершеннаго оставленія службы утвержденнымъ въ должности лицомъ), то вторымъ былъ занесенъ въ списокъ для баллотировки Михайла Леонт. Королевъ—человѣкъ уже пожилой, торговавшій башмачнымъ товаромъ, который хотя и былъ почти совершенно безграмотнымъ, едва подписывавшимъ свою фамилію, но принадлежалъ также къ бывшимъ первоприсутствующимъ сиротскаго суда; къмъ онъ былъ предложенъ—купеческими уполномоченными или мѣщанскими, не помню; знаю только, что першіе изъ купеческихъ уполномоченныхъ находили неудобнымъ, помимо безграмотности, выбирать въ головы „башмачника“, но считали возможнымъ пустить его въ подбалльные, полагая, что тамъ сойдегъ все и что онъ не потребуется;—выборъ признавался такимъ образомъ обезпеченнымъ въ сказанномъ видѣ и Хлудовъ сочинилъ уже рѣчь для произнесенія въ первомъ собраніи уполномоченныхъ по его избранію; рѣчь эта, собственноручно имъ писанная, была найдена послѣ смерти въ его бумагахъ (она хранится у меня); но въ это время Королева осѣдлалъ бѣсъ честолюбія; не сознавая своей полнѣйшей непригодности къ такому дѣлу, онъ, какъ тогда рассказывали, послалъ для переговоровъ къ Долгоусову подрядить мѣщанскихъ уполномоченныхъ для дѣйствія въ пользу его выбора, давши на угощеніе ихъ 1000 руб., и при послѣдовавшихъ выборахъ онъ, къ удивленію большинства избирателей, оказался старшимъ по балламъ, вслѣдствіе чего былъ утвержденъ въ должности головы, а Хлудовъ, наоборотъ, остался подбалльнымъ.

Не слѣдуетъ забывать, что въ то время всѣ службы были сопряжены съ бѣльшимъ или меньшимъ расходомъ для отправлявшихъ ихъ лицъ; въ такихъ же должностяхъ, какъ городского головы и первоприсутствующаго въ сиротскомъ судѣ, расходъ этотъ былъ весьма значительнымъ; занимавшіе эти должности, совершенно незнакомые съ законами и порядкомъ дѣлопроизводства, имѣли своихъ частныхъ совѣтниковъ (по

нынѣшнему названію „юрисконсультов“), просматривавшихъ дѣла, расходъ на содержаніе которыхъ, какъ передавалось, составлялъ за трехлѣтіе не менѣе 10.000 руб. (сумма, по тому времени, весьма значительная), не говоря о томъ, что, кромѣ этого, приходилось городскимъ головамъ тратиться неизбѣжно при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Такимъ юрисконсультъ у цѣлаго ряда городскихъ головъ и первоприсутствующихъ сиротскаго суда былъ нѣкій Иванъ Петр. Мадзолевскій, служившій ранѣе, сколько помнится, въ гражданской палатѣ. Въ собраніяхъ уполномоченные размѣщались по рангамъ—возлѣ предсѣдателя занимали мѣста бывшіе градскіе головы, а затѣмъ бывшіе первоприсутствующие сиротскаго суда; далѣе сидѣла особнякомъ такъ называвшаяся „золотая рота“; это были служившіе уже въ высшихъ должностяхъ и бывшіе уже въ теченіе долгаго времени уполномоченными; прочіе составляли пераздѣльную массу.

Кромѣ производства выборовъ, о которыхъ шла рѣчь, собранія уполномоченныхъ занимались разрѣшеніемъ различныхъ общественныхъ дѣлъ хозяйственнаго характера; рѣшеніе всѣхъ такихъ дѣлъ производилось на основаніи мнѣнія старшихъ уполномоченныхъ; голосованій почти не существовало; лица, недавно вступившія въ число уполномоченныхъ, болѣею частью не осмѣливались подавать голоса; рѣшавшіеся на это составляли рѣдкое исключеніе, хотя они, какъ попавшіе въ уполномоченные (что признавалось весьма почетнымъ), были уже гарантированы противъ принудительнаго выбора ихъ въ какія-либо стѣснительныя должности и могли быть избираемы лишь съ ихъ согласія;—приходилось слышать, что когда какой-нибудь новичекъ изъ заднихъ рядовъ, по своей неопытности, произносилъ что-либо относительно доложеннаго дѣла, то градскій голова, въ виду такой дерзости, обращался съ вопросомъ: „кто тамъ говоритъ? поди сюда!“ и говорившій прятался въ толпѣ.

Изъ тогдашней жизни приходилось слышать отъ бывшаго письмоводителя Василья Григор. Некрасова различные эпизоды.

Такъ, на примѣръ, онъ рассказывалъ: въ числѣ купеческихъ уполномоченныхъ состоялъ нѣкій Осипъ Ивановичъ Шуховъ, торговавшій „древностями и рѣдкостями“, рядомъ съ которымъ занималъ постоянно въ собраніяхъ мѣсто Семень Вас. Бубновъ, богатый человѣкъ, содержавшій трактиръ на Мѣщаниновомъ подворьѣ (онъ содержится и теперь его внукомъ); однажды Бубновъ, за какое то дѣяніе, кажется по духовному вѣдомству, былъ награжденъ орденомъ; вслѣдствіе этого онъ, нашедши для себя неподходящимъ засѣдать на прежнемъ мѣстѣ, перебрался къ „золотой ротѣ“; это чрезвычайно возмутило Шухова и онъ вознамѣрился отомстить ему. Пришло время записи; читаютъ въ спискѣ какого-то 3-й гильдіи купца, съ поясненіемъ, что онъ имѣетъ съѣстную лавку; всѣ молчатъ; но встаетъ Шуховъ и, обращаясь къ Бубнову, говоритъ: „Семень Васильевичъ, что же ты не говоришь; это по твоей части“; тотъ подаетъ знакъ, что онъ не знаетъ;—попадается вновь подобный же торговецъ; Шуховъ обращается опять къ Бубнову съ тѣми же словами;—тогда Бубновъ теряетъ терпѣніе и проситъ градскаго голову запретить Шухову дѣлать ему такіе вопросы;—голова предлагаетъ Шухову обращаться къ нему, если онъ будетъ находить что-либо нужнымъ;—„слушаюсь“ отвѣчаетъ Шуховъ и садится; но вдругъ прочитывается о какомъ-то содержателѣ обжорной лавочки; не утерпѣвъ Шуховъ—вскочилъ: „Семень Васильевичъ, что же ты молчишь, ты долженъ знать этого“;—не вынесъ Бубновъ далѣе, ушелъ и болѣе уже не ходилъ въ собранія.

Говоря о выборахъ градскихъ головъ, приходится уклониться въ сторону и коснуться того общаго порядка, который существовалъ въ прежнее время относительно употребленія одежды и самаго внѣшняго вида въ средѣ городскихъ жителей. Тогда всѣ они въ этомъ отношеніи дѣлились на 2 рода—ходившихъ „по-русски“ и „по-нѣмецки“. Первыми считались тѣ, которые имѣли волосы на головѣ, обстриженные въ кружокъ (что называлось „въ скобку“), съ проборомъ въ срединѣ, бородъ и усовъ не брили, употребляли длинные сюртуки,

при чемъ нѣкоторые изъ нихъ носили сапоги „бураками“, прикрывавшіе собою брюки (въ числѣ ихъ были и такіе, которые вмѣсто сюртуковъ употребляли поддевки на крючкахъ, что преимущественно встрѣчалось у старообрядцевъ); послѣдними же признавались брившіе усы и бороды (допускались при этомъ лишь бакенбарды), имѣвшіе остриженные на головѣ волосы (если существовалъ проборъ, то онъ былъ на боку) и носившіе короткіе сюртуки; ношеніе усовъ безъ бороды въ то время было воспрещено, такъ какъ это составляло принадлежность только военныхъ, и если нѣкоторые молодые люди допускали отступленіе отъ этого порядка, то, какъ я это хорошо помню, ко времени царскихъ посѣщеній Москвы у всѣхъ такихъ лицъ усы уничтожались изъ опасенія, что ихъ сбрѣютъ „на барабанѣ“ (какъ тогда выражалось). Пишу это потому, что, по прошествіи еще нѣкотораго времени, выраженія „по-русски“ и „по-нѣмецки“ могутъ оказаться непонятными ни для кого. И вотъ, по существовавшему обычаю, городскіе головы выбирались всегда изъ лицъ, ходившихъ „по-нѣмецки“. Первое нарушеніе такого порядка явилось вслѣдствіе случайности, когда умеръ Александръ Васильевичъ Алексѣевъ и неожиданно должность головы занялъ кандидатъ его Кондратій Карповичъ Шапошниковъ, при выборѣ котораго, предназначавшагося лишь въ подбальные, на это не было обращено вниманія; но вопросъ этотъ, при слѣдующихъ выборахъ—Андрея Петровича Шестова, поднимался со стороны несочувствовавшихъ его избранію (это я слышалъ отъ В. Д. Аксенова); тогда говорилось, что нельзя въ головы выбирать „мужиковъ“, хотя этотъ „мужикъ“ оказался на дѣлѣ, какъ извѣстно, достойнымъ по тому времени исполненія возложенной на него обязанности.

Въ такомъ состояніи городское и сословное устройство находилось при появленіи положенія 1862 года.

Новое общественное устройство вызывало городское населеніе къ небывалой новой дѣятельности, возбуждая стремленіе къ принятію въ ней участія въ средѣ, дотолѣ съ дѣлами общественными несоприкасавшейся; купеческое молодое, сра-